

(л. 23 об.) ради нашихъ вселися въ нею нечистый духъ, и въ том же ей недуге бывшей многое время. Воспомянув мужъ ея о чудесехъ новоявленныхъ чудотворцевъ Никиты Алфанова съ братиею, что имъ такова дарования даровашася отъ Христа Бога // цѣлители с вѣрою и любовию в чистѣи совѣсти приходящихъ. Тои же Иоанъ повелъ ея вести въ монастырь къ великому отцу Николѣ чудотворцу на Соколню и ко святымъ преподобнымъ отцемъ Никиты с братиею. Пришедшымъ же имъ во обитель святаго Николая чудотворца, молиша священника съ причетники чтобъ совершили молебное пѣние у гроба преподобныхъ отецъ. По отпѣтии же молебнаго пѣния, покропиша ю святою водою, и абие в томъ часе отъ иде от нея нечистый духъ и бысть здрава яко николи же страда, славяще Бога и его угодники новопрославляющыя святыя своя чудотворцы Никиту Алфанова съ братиею, и отъ иде въ домъ свой, благодарное моление стирающе святымъ его угодникомъ. Аминь.

М. К. Юрасов

РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАЧАЛА XII в.

В настоящей работе анализируются известия источников о контактах между Рюриковичами и Арпадами в течение первых тринадцати лет XII в., от времени окончания междоусобной войны 1097–1100 г. в юго-западной Руси, одним из активных участников которой был венгерский король Калман Книжник (1095–1114/1116) до 1111 г., когда прекращается активная внешняя политика киевского князя Святополка Изяславича. Брак Калмана и дочери Владимира Мономаха Евфимии, заключенный в 1112 г., здесь специально не рассматривается, поскольку сам он, а в значительно большей степени его последствия, фактически относятся уже к другой эпохе, связанной с лидерством на Руси Владимира Мономаха.

1. Политическая ситуация на Руси, в Венгрии и Польше в начале XII в.

Последствия поражения войска Калмана Книжника под Перемышлем. Катастрофа, которую пережили в 1099 г. венгерские отряды, пришедшие во главе со своим королем на помощь киевскому князю Святополку Изяславичу, должна была породить у Калмана жажду мести за сокрушительный разгром его армии под стенами Перемышля. Эту мысль как будто подтверждает информация Венгерского хроникального свода XIV в.¹

Здесь в главе 147 содержится известие о том, что после завоевания далматинских городов (1105) «король хотел пойти на Русь»². Более конкретное свидетельство о намерении Калмана смыть позор поражения под Перемышлем обнаруживается в главе 151 того же источника, в рассказе о последних днях его жизни, когда Калман, «умирая, приказал своему сыну и магнатам, чтобы они после смерти короля отомстили Руси за обиду, ему нанесенную»³.

Между этими двумя известиями содержится рассказ о неудачном браке Калмана с русской княжной, которую он уличил в супружеской неверности и выслал на родину⁴, что дополняет картину

¹ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* / Ed. Domanovszky A. // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Edendo operi praefuit E. Szentpétery (далее – SRH). Вр., 1937. Vol. I. P. 217–505.

² «Deinde rex volebat ire in Rusciam» (SRH. I. P. 426). Здесь и далее цитируемые фразы и отрывки из Венгерского хроникального свода XIV в. содержатся лишь в рукописях, относящихся к семейству Венской или Иллюстрированной хроники. В более ранних по происхождению списках этого свода венгерская история после 1084 г. описана крайне фрагментарно.

³ «Rex autem in morte precepit filio suo et principibus, ut ipsi post mortem suam super Rusciam ulciscerentur iniuriam, quam ipsi fecerant» (SRH. I. P. 431).

⁴ Там же. P. 429.

внешнеполитических неудач просвещенного короля на восточном направлении. Однако, несмотря на внешне негативный характер вышеприведенных известий, мы не можем говорить о том, что в 1100—1114/1116 г., т. е. в период между возвращением остатков венгерской армии из-под Перемышля и смертью Калмана Книжника между Русью и Венгрией существовали враждебные отношения. Гораздо больше фактов свидетельствуют об обратном.

Безусловно, в душе Калмана могла сохраняться жажда реванша за позорное поражение, но политическая ситуация в Венгерском королевстве, на Руси и в соседней Польше в начале XII в. была настолько сложной, что она в конечном счете не позволила Калману отомстить своим обидчикам за разгром под Перемышлем.

Хотя правящий венгерский род Арпадов не имел в то время столько ветвей, сколько уже успело «вырасти» на генеалогическом древе Рюриковичей, в Венгрии со второй трети XI в. то затухала, то вновь разгоралась борьба за власть внутри правящей династии, как правило, между родными или двоюродными братьями. Не стало исключением в этом плане и начало XII в.

Истоки конфликта между Калманом и его родным братом Алмошем следует искать в не всегда обдуманых действиях их дяди Ласло I Святого (1077—1095). Ввиду отсутствия наследника Ласло I должен был выбрать его из своих племянников — сыновей Гезы I (1074—1077). Старшим из них был Калман, младшим — Алмош. На всем протяжении существования средневекового Венгерского королевства там формально сохранялся принцип избрания королей высшей знатью, правда, до 1301 г. только из рода Арпадов. Однако пока центральная власть оставалась достаточно сильной, королям удавалось навязывать собранию знати свой выбор.

Так же действовал и Ласло I. Приняв на себя после смерти брата Гезы I руководство воспитанием его детей, Ласло I имел возможность достаточно хорошо изучить характер и способности племянников. По его мнению, Алмош более подходил для занятия престола, чем Калман. По воле дяди Алмош в 1091 г. принял титул хорватского короля и управлял этим вассальным от Венгрии государством до 1096 г.

Старшему же своему племяннику «святой» король определил церковную карьеру. Однако Калман не пожелал принимать духовный сан и становиться эгерским епископом, выразив свой протест по поводу решения дяди бегством в Польшу. Эта страна неоднократно становилась местом политического убежища боровшихся за власть претендентов на венгерский престол — Белы I (1060—1063) и некоторых из его потомков, поскольку названный король (задолго до занятия престола) первым породнился с правящей польской династией Пястов.

Перед смертью Ласло I послал к Калману по одному представителю светской и духовной знати из своего окружения, чтобы они убедили старшего племянника смирить гордыню и признать королем младшего. Хотя послам Ласло I не удалось исполнить его поручение, назревавшего конфликта по поводу престолонаследия в то время удалось избежать. По свидетельству Венгерского хроникального свода (Гл. 140), после кончины дяди Алмош, «движимый искренней простотой, удостоил почетом своего брата Калмана, преподнеся ему королевскую корону, так как тому она принадлежала, казалось, по праву первородства»⁵.

Таким образом, поначалу младший брат правильно оценил ситуацию и во избежание кровопролития уступил престол старшему, у которого действительно, по представлениям того времени, было значительно больше прав на наследование власти. Казалось, Венгрия в 1095 г. счастливо избежала кровавой междоусобицы. Однако последующие события ярко продемонстрировали, что благородный поступок Алмоша вряд ли был продиктован его личной «искренней простотой», как пытается уверить читателя венгерский хронист. На самом деле Алмош всегда помнил о том, что по воле Ласло I он должен был управлять страной, о чем свидетельствуют его неоднократные попытки в будущем найти за пределами Венгрии поддержку в начатой им борьбе за венгерский престол.

⁵ «...Almus... Qui sincera simplicitate ductus honoravit fratrem suum Colomannum, preferendo sibi coronam regni, tamquam cui iure primogeniture videbatur competere» (SRH. I. P. 419—420).

Разлад между сыновьями Гезы I, скрывавшийся ими в первые годы правления Калмана Книжника, имел прямое отношение к истории русско-венгерских отношений начала XII в., поскольку сначала один, а затем другой брат искали себе жен на Руси, о чем речь пойдет ниже. Сейчас же следует остановиться на ситуации, сложившейся на юго-западных окраинах древнерусских земель после окончания междоусобной войны, в которой принимал участие король Калман в 1099 г.

Изменения в юго-западной Руси после княжеского снema в Уветичах. Окончание кровавой междоусобицы, вызванной ослеплением Василька Теробовльского, было связано с решениями съезда князей, состоявшегося в 1100 г. в городе Витичеве (Уветичах). С точки зрения темы настоящего исследования наибольшее значение имеет изменение положения Ярослава (Ярославца), который, по мнению А. В. Назаренко, был сыном тогдашнего киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113) от первого брака⁶.

Самое раннее упоминание Ярослава Святополчича содержится в венгерском источнике — учредительной грамоте Ласло I монастырю св. Эгидия в Шомодьваре, датируемой 1091 г.⁷ В этом документе Ярослав, «сын короля Руси» назван зятем Ласло I⁸. Исходя из этого, можно утверждать, что брак Ярослава с венгерской принцессой был заключен не позднее 1091 г.

Установление матримониальных связей Святополка Изяславича с венгерским правящим домом Арпадов, как мне представляется, во многом способствовало укреплению положения Святополка на Руси и помогло ему без борьбы получить киевский стол после смерти Всеволода Ярославича в 1093 г. Ярослав Святополчич был одним из активных участников междоусобной войны 1096–1100 г. Именно его отец послал в Венгрию за военной помощью, оказание которой привело Калмана Книжника к разгрому под Перемышлем. После поражения венгров Ярослав бежал в Польшу.

Принужденный общекняжеским решением к войне со своим недавним союзником — волинским князем Давыдом Игоревичем, Святополк Изяславич использовал эту войну для укрепления своей власти в юго-западной Руси. В самом конце летописной «Повести об ослеплении Василька Теробовльского», помещенной в Повести временных лет под 6605 г., содержится известие о том, что «Святополкъ перья Володимеръ и посади в нем сына своего Ярослава»⁹. Таким образом, лишив Давыда Игоревича стола во Владимире-Волинском, Святополк посадил здесь на княжение своего сына, являвшегося одновременно зятем венгерского короля.

На основании решений, принятых на княжеском снeme в Уветичах в 1100 г., киевскому князю Святополку Изяславичу удалось сохранить за Ярославом Владимир-Волинский, а значит — свой контроль над частью юго-западной Руси. Вместе с тем Василько Ростиславич остался князем Теробовля, а его брат Володарь — Перемышля. Кроме того, главный виновник междоусобицы 1096–1100 г. Давыд Игоревич получил во владение Бужск, а затем Дорогобуж¹⁰, где и умер в 1112 г.¹¹ Наличие в рассматриваемом регионе четырех княжеских столов, занимаемых представителями трех разных ветвей потомков Ярослава Мудрого, явно не способствовало сохранению здесь политической стабильности.

О. М. Рапов, рассматривая историю территориальных приобретений и потерь Ярослава Святополчича, считает, что «сведения Татищева больше соответствуют ходу событий 1097–1100 г., чем описания “Повести временных лет” под теми же годами. Источник, которым пользовался В. Н. Татищев, видимо, был более доброкачественным»¹².

⁶ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 571–572.

⁷ Последнее по времени научное издание грамоты см.: *Diplomata Hungariae antiquissima / Edendo operi praefuit G. Györfy*. Вр., 1992. Vol. I. 1000–1131. P. 266–268.

⁸ «...rex Latisclaus. ...Gerazlaus filius regis Rutenorum gener ipsius» (Ibid. P. 268).

⁹ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 273; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 248.

¹⁰ О снeme в Уветичах и его решениях см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 273–274; Т. II. Стб. 248–250.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 273.

¹² Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 88.

С рассуждениями О. М. Рапова по поводу большей достоверности «Истории Российской» по сравнению с Повестью временных лет (ПВЛ) трудно согласиться, прежде всего, потому, что ничего принципиально нового по сравнению с ПВЛ В. Н. Татищев не сообщает¹³. Тем не менее, описывая биографию Ярослава Святополчица до 1100 г., О. М. Рапов предпочитает ссылаться на «татищевские известия». Ставя при этом вопрос: «Кто же в 1100 г. передал Ярославу Владимир-Вольинский — отец или участники Уветического съезда?», О. М. Рапов отвечает на него так: «Видимо, Святополк на Уветическом съезде потребовал отобрать Владимир-Вольинский у непослушного и коварного “подручника” Давыда Игоревича и передать город своему сыну Ярославу. Участники съезда согласились с этим требованием»¹⁴. Такой вариант решения вопроса о вольинском княжении представляется наиболее вероятным.

Утверждение Ярослава Святополчица на вольинском княжеском столе должно было объективно способствовать укреплению русско-венгерских связей, поскольку зять Ласло I был теперь правителем области, находившейся в непосредственной близости от венгерской границы. Этот факт в какой-то мере «подсластил» горечь поражения венгров под Перемышлем, поскольку главный враг, с которым сражался Калман в 1099 г. — Давыд Игоревич — был лишен своей волости и провел остаток жизни, занимая малозначимые столы в Бужске и Дорогобуже.

Всё это, безусловно, служило гарантией стабильности на северо-восточных рубежах Венгерского королевства и позволило Калману переключиться на другие направления внешней политики, прежде всего на юго-восточное. Следует также отметить, что в 80-е годы XI в. владения венгерских королей распространились на всю территорию, примыкающую с запада к «Русским Альпам»¹⁵. Здесь были образованы замковые округа (комитаты)¹⁶ Унг и Боршова, призванные защитить страну от набегов половцев (кунов).

Что же касается приграничных земель по другую сторону «Русских Альп», то они, судя по данным письменных источников и археологическим материалам, оставались в рассматриваемое время еще не освоенным «медвежьим углом»¹⁷. Тем не менее, нет никаких оснований сомневаться в том, что главный торговый путь между двумя государствами, шедший через Верецкий перевал, функционировал в начале XII в. не менее интенсивно, чем в предшествующее столетие, о чем свидетельствуют данные монетных кладов¹⁸.

На основании вышеизложенного мне представляется наиболее вероятным то, что в самые первые годы после возвращения из похода в юго-западную Русь Калман и не помышлял о реванше за разгром своего войска, поскольку для этого не было объективных причин. В связи с этим информацию венгерских хронистов о неутоленной Калманом жажде отмщения русским, которую он завещал своему сыну, следует относить к последнему десятилетию правления этого короля, причем «разбередить» эту «рану» могли либо его родной брат Алмош, либо вторая жена Евфимия Владимировна (дочь Мономаха), которую он, судя по сведениям «Композиции венгерских хроник XIV в.», уличил в супружеской неверности.

Матримониальные связи Рюриковичей и Арпадов в начале XII в. На момент начала XII столетия мы можем говорить, на основании данных источников, лишь о браке Ярослава Святополчица и венгерской принцессы, поскольку остальные мужчины, состоявшие в таких династических браках,

¹³ В отличие от текста ПВЛ, где все события междоусобной войны 1097—1100 г. описаны под 6605 г., после чего под 6606—6607 г. кратко поясняется, что произошло в 1098 г. и что в 1099 г., В. Н. Татищев разделяет летописную статью 6605 г. на три погодных статьи (6605—6607 г.) в соответствии с краткими пояснениями летописца. (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 256—273; Т. II. Стб. 230—248 (в тексте Ипатьевской летописи сделаны краткие добавления о других событиях, происшедших в 1098 и 1099 г., а также пропущена формула «В лѣто 6608» там, где начинается описание событий, относящихся к 1100 г.); Татищев В. Н. Собрание соч. Т. II. М.; Л., 1963; Т. IV; М., Л., 1964. С. 168—174).

¹⁴ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. С. 88.

¹⁵ Так называет отроги Карпатских гор, служившие естественной границей между Русью и Венгрией, Шимон Кезаи в своих «Деяниях венгров» (см.: *Simonis de Keza. Gesta Hungarorum* / Ed. A. Domanovszky (Сар. 27: SRH. I. P. 165)).

¹⁶ В Венгерском хроникальном своде обе эти области прямо называются *provincia castrorum*. (см.: *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. Сар. 134 (SRH. I. P. 408)).

¹⁷ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Вольинской Руси IX—XIII в. Киев, 1985. Карта между с. 80—81; Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. Карта-приложение «Археологическая изученность древнерусских городищ».

¹⁸ См. Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968. С. 218—222.

к тому времени уже ушли из жизни. Скорее всего, в первые годы XII в. была жива мать Василька и Володаря — вдова Ростислава Владимировича, венгерка по происхождению. Если именно она скрывается под именем Ланки — русской княгини, вышедшей навстречу Калману во время его движения к Перемышлю в 1099 г.¹⁹, то она, по-видимому, проживала на Руси у одного из сыновей, не играя никакой заметной роли в политической жизни.

У нас нет никаких сведений о венгерской снохе Святополка Изяславича. Еще И. А. Линниченко предположил, что она умерла не позднее 1106 г.²⁰ Основанием для такого предположения ему послужила информация хроники Галла Анонима. В главе 1 книги II этого сочинения можно прочитать о том, что вторая жена²¹ родила Владиславу-Герману трех дочерей. «Одна из них вышла замуж на Русь...»²², а в главе 38 этой же книги сообщается о том, что Ярослав Святополчич возглавил в 1107 г. поход русских князей в помощь Болеславу III против Збигнева²³. В связи с этим наиболее вероятным временем женитьбы овдовевшего Ярослава признается конец 1106 — начало 1107 г.²⁴ Крупнейшие специалисты по генеалогии Арпадов (М. Вертнер) и Пястов (О. Бальцер) также считали 1106 г. датой смерти венгерской жены Ярослава Святополчича²⁵.

Новый всплеск интереса к русским князям со стороны Арпадов, отмечаемый в первые полтора десятилетия XII в., не в последнюю очередь был вызван обострением внутридинастической борьбы в Венгерском королевстве, об истоках которого говорилось выше.

Первое выступление принца Алмоша против короля Калмана относится еще к 1098 г. В то время нежелание венгерской знати сражаться друг с другом из-за рассорившихся братьев заставило последних помириться у г. Варконь²⁶. После возвращения из русского похода Калман заключил 29 мая 1099 г. союз с чешским князем Бржетиславом II под г. Ухерске-Градиште (Моравия)²⁷. Возможно, этот союз помешал Алмошу воспользоваться плодами разгрома войска Калмана у Перемышля. Западноевропейские и венгерские источники вообще умалчивают о каких-либо действиях мятежного принца вплоть до 1105 г. Однако, судя по последующим событиям, он, видимо, искал союзников для продолжения борьбы с братом. На руку Алмошу играло то, что Калману приходилось прилагать большие усилия для поддержания и повышения престижа своего королевства в тогдашней нестабильной Европе.

В 1101 г. через Венгрию прошла очередная армия крестоносцев, принеся в этот раз не столь заметный ущерб, как их «первая волна» 1096 г. После этого Калман решил довести до логического завершения процесс присоединения к своему государству всей территории Хорватии, включая далматинские порты на Адриатическом побережье, стратегическое значение которых трудно переоценить. Весной 1102 г. Калман был торжественно коронован хорватской короной, что означало превращение Венгрии в одну из крупнейших европейских держав того времени, получившую выход к морю.

Об укреплении международного положения Венгерского королевства свидетельствуют матримониальные связи его правителя. В 1097 г. Калман женился на дочери сицилийского норманнского графа Рожера I и заключил союз с венецианским дожем Микеле Виталисом²⁸. От этого брака Калман имел двух сыновей (по всей видимости, близнецов), родившихся в 1101 г. Один из них (Ласло) умер

¹⁹ См.: *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. Cap. 145 (SRH. I. P. 423–424).

²⁰ Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Киев, 1884. Т. I (до конца XII в.). С. 56.

²¹ До выхода замуж за Владислава Германа Юдита (сестра германского императора Генриха IV) была женой венгерского короля Шаламона, свергнутого с престола в 1074 г. и, по всей видимости, ушедшего из жизни ок. 1087 г.

²² «Una quarum in Rusia viro nupsit» (*Galli Anonymi. Chronicae et Gesta Ducum sive Principium Polonorum* / Ed. K. Maleczyński // *Monumenta Poloniae Historica. Nova Series* (далее — МРН. NS.). Kraków, 1952. Т. II. P. 63–64); Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. и примеч. Л. М. Поповой. Отв. ред. В. Д. Королук. М., 1961. С. 66.

²³ МРН. NS. II. P. 108; Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 97.

²⁴ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. М., 1990. С. 70 и примеч. 4.

²⁵ Wertner Mór. Az Árpádok családi története. Nagybecskerek, 1892. 210.l.; Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 123.

²⁶ Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. Bp., 1986 (далее — МТК). 98.l.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. 98.l.

в детском возрасте, а второй (Иштван) унаследовал венгерский престол после смерти отца. Возможно, уже в 1104 г. дочь Ласло I Святого Пирошка вышла замуж за наследника византийского престола — Иоанна Комнина (будущего Иоанна II)²⁹, приняв в православии имя Ирина.

В этих условиях, как можно предположить, принц Алмош попытался найти политическую поддержку на Руси. Повесть временных лет содержит под 6612 г. известие о браке Алмоша с дочерью Святополка Изяславича: «Томъ ж лѣтъ ведена Передъслава дщи Сѣтополча · в Угры · за королевичъ · августа въ · ка · днь»³⁰. При переводе на современное летоисчисление отъезд Передславы Святополковны в Венгрию датируется 21 августа 1104 г.

Как видно из летописного сообщения, имя венгерского королевича не было известно редакторам ПВЛ, поэтому В. Т. Пашуто выражается по этому поводу осторожно, говоря, что Предслава вышла замуж, «видимо, за герцога Альмоша»³¹. Однако, несмотря на то что латиноязычные средневековые источники не содержат никакой информации по этому поводу, вряд ли стоит сомневаться в том, что неназванным в летописи королевичем был именно Алмош.

В. Т. Пашуто ставит факт выхода замуж дочери Святополка Изяславича за представителя рода Арпадов в один ряд с русско-польским договором 1102 г.³² При этом историк допускает, что сближение Алмоша с киевской правящей верхушкой могло начаться во время пребывания венгерского принца в Польше, о чем содержится упоминание в главе 29 книги II хроники Галла Анонима³³. Это мнение высказывалось еще А. В. Лонгиновым и М. Вертнером³⁴.

Если рассматривать заключение Алмошем брака с дочерью Святополка Изяславича с точки зрения его влияния на политическую ситуацию в юго-западной Руси, то этот факт, несомненно, призван был усилить позиции киевского князя в данном регионе. Однако и его бывшие противники, с которыми он боролся в 1097—1100 г., также активно занимались поисками союзников за пределами своей страны.

Предшествующее известие той же летописной статьи 6612 г. посвящено другому династическому браку, заключенному 20 июля между дочерью перемышльского князя Володаря Ростиславича и сыном византийского императора Иоанна II Комнина Алексеем³⁵. Установление матримониальных связей Ростиславичей с правящей византийской династией, несомненно, способствовало росту их политического веса и независимости от Киева.

Хотя у нас нет никаких данных о том, какие цели преследовал Володарь, отдавая свою дочь замуж за византийского принца, однако, если сравнить политическую ситуацию на Руси и внешнеполитические устремления Венгрии в то время (1104—1105 г.), то можно предположить причину, побудившую Ростиславичей искать поддержку именно в Византии. Если историки уверенно говорят о том, что установление Святополком Изяславичем матримониальных связей с правителями Польши и Венгрии было направлено против князей Перемышля и Тереховля³⁶, являвшихся также и противниками Венгрии, то в те же годы Византия потеряла ряд городов в Далмации, вошедших в состав Венгерского королевства.

Некоторые венгерские историки высказывали предположение о том, что захват южнодалматинских городов был сделан Калманом с санкции, согласия византийского императора Алексея I Комнина (1081—1118)³⁷. Однако, мне представляется более обоснованной точка зрения крупнейшего современного

²⁹ Ibid. 99.l.

³⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 280; Т. II. Стб. 256.

³¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 53.

³² Там же.

³³ МРН. NS. II. Р. 98; Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 89.

³⁴ Лонгинов А. В. Родственные связи русских князей с угорским королевским домом // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильна, 1893. С. 317; Wertner M. Az Árpádok családi története. 249—252.l.

³⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 280; Т. II. Стб. 256.

³⁶ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 53—54.

³⁷ Библиографию см.: Makk Ferenc. A Kálmán-ági királyok külpolitikájának néhány kérdése // Idem. A turul-madártól a kettőskeresztig. Tanulmányok a magyarság régebbi történelméről. Szeged, 1998. 178.l., 5., 7. jegyz.

специалиста по истории внешней политики Венгрии домонгольского периода Ференца Макка, согласно которой южная Далмация была захвачена Калманом вооруженным путем, и лишь тяжелое международное положение Византии, которой угрожала война с сицилийскими норманнами, заставило империю не только признать потерю стратегически важных адриатических портов, но и заключить союз с Венгрией, скрепленный династическим браком.

Но все это произошло уже после отъезда дочери Володаря в Византию, поэтому, опираясь на вышеизложенное, вполне можно предположить, что выбор перемышльского князя был неслучайным. Он также искал «противовесы» той системе «сдерживания», которую пытался создать для Ростиславичей киевский князь Святополк.

По мнению Ф. Макка, Калман Книжник все годы пребывания на престоле оставался верным союзником Святополка Изяславича. Исходя из этого, венгерский исследователь оценивает брак Алмоша и Предславы Святополковны однозначно как укрепление матримониальных связей между Арпадами и Рюриковичами, инициатором которого не был принц Алмош. «В это время между королем и его братом не было конфликта, — пишет Ф. Макк, — и поскольку Святополк изначально был союзником Калмана, правомерно предположить, что за династической связью стояла дипломатия Калмана, и нет необходимости считать этот брак политическим ухищрением Алмоша»³⁸.

К сожалению, решить однозначно вопрос о том, каков был политический смысл заключения брака между венгерским принцем и киевской княжной в 1104 г., на основании имеющихся у нас данных источников невозможно. Мне представляется, что даже если к организации этого союза Алмош не имел никакого отношения, то, став зятем верховного правителя Руси, он вряд ли сразу не оценил новые возможности, которые могли открыться у него для борьбы с братом.

В то же время признать этот брак проявлением недальновидности Калмана, уверовавшего в невозможность новых конфликтов с братом из-за венгерского престола, было бы несправедливо, поскольку у нас нет ни одного свидетельства о том, чтобы Алмош получил военную помощь на Руси. Другое дело, что зять Святополка Изяславича автоматически становился свояком тогдашнего правителя Польши, позицию которого по вопросу о том, кто должен занимать венгерский престол, нельзя оценивать также однозначно, как нерушимый союз Святополка и Калмана.

Конфликт между Болеславом III Кривоустым и его братом Збигневом. Польские государи были активными участниками, как правило, союзниками или посредниками во многих внешнеполитических акциях, прямо или косвенно касавшихся взаимоотношений Руси и Венгрии в Средние века. Не является исключением и рассматриваемая эпоха.

В 1102 г. умер польский князь Владислав-Герман. Ему наследовал младший сын Болеслав III Кривоустый (1102—1138), поскольку старший сын Владислава-Германа, Збигнев, считался незаконнорожденным. Отправленный на воспитание в Чехию, Збигнев еще при жизни отца начал борьбу за выделение ему одной из областей Польши в управление, а затем — за расширение своих владений. В последние годы жизни Владислав-Герман вынужден был обороняться от покушавшихся на его власть сыновей, и естественно было ожидать, что после похорон отца братья начнут воевать между собой.

Получив по разделу отцовского наследства «два главных города королевства и очень многолюдную часть земли»³⁹, Болеслав III сразу же начал искать помощь у соседних государей. Прежде всего, он решил породниться со Святополком Изяславичем. Последний без долгих раздумий благословил брак своей дочери с польским князем, о чем можно сделать вывод, основываясь на известии Повести временных лет под 6610 г.: «...В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава месяца ноября в 16 день...»⁴⁰, т. е. 16 ноября 1102 г. А. Б. Головкин обращает

³⁸ Ibid. 181.l.

³⁹ «Bolezlauus tamen legitimus duas sedes regni principales partemque terre populiosiore obtinuit» (МРН. NS. II. P. 88—89); Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 83 (гл. 21 кн. II).

⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 276; Т. II. Стб. 252.

внимание на то, что Сбыслава Святополковна отправилась в Польшу уже через пять месяцев после смерти Владислава-Германа⁴¹.

Поскольку Болеслав и Сбыслава были родственниками в третьей степени родства⁴², их брак, с точки зрения канонических установлений, считался кровосмесительным. Понадобилось специальное посольство краковского епископа Балдина к папе Пасхалию II, которое привезло папское благословение. По свидетельству Галла Анонима (II, 23), Балдин говорил в Риме «о неопытности в религии и необходимости [брака] для родины...», после чего Святой престол «одобрил этот союз не по общепринятым канонам, а из милости в виде исключения»⁴³. По мнению А. В. Головки, «согласие папы Пасхалия II указывает на особую заинтересованность римской курии в установлении союза Польши с Русью, который мог сыграть положительную роль в борьбе папства с Германской империей»⁴⁴.

Хотя в цитированном отрывке содержатся рассуждения по поводу слишком близкой степени родства между новобрачными, что должно было свидетельствовать о точном знании хронистом родителей (или хотя бы отца) невесты, никаких конкретных данных на этот счет Галл Аноним не приводит. В более позднем источнике — Великопольской хронике — можно прочитать о том, что Болеслав женился «на единственной дочери короля Галиции»⁴⁵, что, несомненно, является ошибкой.

Установление матримониальных связей между Болеславом III Кривоустым и Святополком Изяславичем было выгодно обоим государям. Первый надеялся на укрепление своего положения в Польше, чтобы покончить с мятежным Збигневом и отразить натиск немецких рыцарей и поморян. Второй же рассматривал брак своей дочери с главой рода Пястов как противовес беспокойным Ростиславичам, угрозу со стороны которых ощущали и польские князья⁴⁶.

Обстановка в бассейне Вислы в 1102—1103 г. на самом деле была крайне тяжелой. Автор «Великопольской хроники» (Гл. 18) свидетельствует о том, что при вступлении на престол Болеслава III Польша подверглась нападению поморян. При этом последние еще не были союзниками Збигнева, поскольку его владения также подверглись разорению⁴⁷.

Описывая свадьбу Болеслава Кривоустого, состоявшуюся, скорее всего, в начале 1103 г., Галл Аноним (II, 24) утверждает, что приглашенный на пир Збигнев организовал нападение чехов на Польшу⁴⁸. Сам Галл, который, как известно, избегал в своей хронике датировок описываемых событий, не упомянул даже чешского князя, при котором произошло это вторжение. Автор более поздней Великопольской хроники приписывает эту акцию князю Сватоплуку, который (Сватоплук II) был правителем Чехии в 1107—1109 г., что, скорее всего, является ошибкой⁴⁹. Однако, по свидетельству Козьмы Пражского (III, 16), тогдашний чешский князь Борживой (1100—1107) также поддерживал Збигнева⁵⁰.

⁴¹ Головка А. В. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 64. Правда, при этом украинский исследователь неверно датирует отъезд княжны 11 ноября.

⁴² Дед Сбыславы Изяслав Ярославич был женат на сестре Казимира I Восстановителя, внуком которого был Болеслав III. Это соответствовало третьей степени родства, в то время как, согласно каноническому праву, браки между родственниками разрешались, начиная с четвертой степени.

⁴³ «Balduinus Cracoviensis episcopus... fidei ruditatem et patrie necessitatem intimavit, sicque Romane sedis auctoritas, ut fertur, hoc coniugium misericorditer, non canonice nec usualiter, sed singulariter collaudavit» (МРН. NS. Т. II. Р. 90); Цавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 47 (текст), 54—55 (пер.); Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 84.

⁴⁴ Головка А. В. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. С. 64.

⁴⁵ Kronika Wielkopolska / Wyd. В. Kürbis. Warszawa, 1970 (МРН. NS. Т. VIII). Р. 27; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI — XIII вв. / Пер. Л. М. Поповой, вступ. статья и комм. Н. И. Цавелевой. М., 1987. С. 81.

⁴⁶ Włodarski В. Rus' w planach politycznych Bolesława Krzywoustego // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu М. Коперника. Z. 20. Toruń, 1966. S. 41. Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 45. Ф. Макк считает, что такую же функцию выполнял и брак Предславы с Алмошем. См.: Makk Ferenc. A Kálmán-ági királyok külpolitikájának néhány kérdése. 181—182.l.

⁴⁷ Kronika Wielkopolska / Wyd. В. Kürbis; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI — XIII вв. С. 80.

⁴⁸ МРН. NS. II. Р. 91; Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 84.

⁴⁹ Обзор мнений см.: Там же. С. 214 и примеч. 3 к главе 18.

⁵⁰ Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag / Hg. В. Bretholz. Berlin, 1923 (MGH SS rer. Germ. NS. N. 2). Р. 178—179; Козьма Пражский. Чешская хроника / Пер. Г. Э. Санчука. М., 1962. С. 187—188.

История борьбы за власть между Болеславом III Кривоустым и его братом Збигневом имеет много этапов, в которых легко запутаться. Так, например, А. Б. Головки, говоря о значении брака польского князя и дочери Святополка Изяславича, пишет: «Збигнев и его сторонники, видимо, осознавали, против кого был направлен союз Болеслава с киевским князем. Поэтому они обратились за помощью к чехам, которые напали на принадлежавшую брату Силезию»⁵¹.

Вторжение в Силезию, как правильно указывает далее исследователь, имело место уже в 1105—1106 г., а эта военная кампания уже была связана с оказанием помощи Святополком Изяславичем своему зятю. Если же говорить о первой реакции Збигнева на заключение брака Болеслава III и Сбыславы, то она имела место в 1103 г., причем эта война обошлась без отправки русских дружинников в Польшу.

В связи с выходом Сбыславы Святополковны замуж за польского князя А. И. Добрянский ставил судьбу пограничной области Спиш (венг. Сепеш)⁵², которая, по мнению некоторых ученых XIX в., некогда была населена одной из групп белых хорватов. Впоследствии Спиш был захвачен поляками, однако, в конечном счете, вошел в состав Венгерского королевства, и на его территории был создан королевский замковый округ (комитат) Сепеш.

Рассматривая судьбу древнего Спиша, А. И. Добрянский спорит с венгерскими историками, утверждавшими, что их предки завладели Сепешем еще в эпоху «обретения родины». При этом ученый приводит «версию Н. М. Карамзина», который якобы датировал потерю Русью Спиша 1069 г.⁵³ Однако в последнем научном издании «Истории государства Российского» мне не удалось обнаружить ни одного упоминания Спиша, а в описании похода Болеслава II Смелого на Киев 1069 г. Н. М. Карамзин вообще не говорит о территориальных потерях Руси при возвращении престола Изяславу Ярославичу⁵⁴.

Отвергая обе «приведенные» им точки зрения, А. И. Добрянский считает, что Спиш перешел в руки венгерских королей в 1108 г. в качестве приданого, отданного за Юдиту — дочь Сбыславы и Болеслава, которая вышла замуж за венгерского королевича Стефана (Иштвана) — будущего Иштвана II⁵⁵. Основанием для такого рода построений А. И. Добрянскому служат известия Великопольской хроники (русинский ученый называет ее хроникой Богухвала), в главе 27 которой действительно можно прочесть: «Этот Болеслав свою дочь от русской жены выдал замуж за сына короля венгров Коломана. Ему как приданое дал в пожизненное владение каштелянию спишскую»⁵⁶.

К сожалению, А. И. Добрянский в своих построениях опирается главным образом на эти две фразы, которые, вырванные из контекста, позволяют предположить, что речь здесь идет о принце Иштване — сыне Калмана Книжника. Хотя А. И. Добрянский дает пространную цитату из «хроники Богухвала», он совершенно не обращает внимание на то, что следующие фразы ясно показывают, что хронист приписал будущему Иштвану II деяния королевича Калмана, занимавшего несколько лет галицкий стол в первой трети XIII в. После известия о передаче спишской каштелянии сыну венгерского короля Калмана Великопольская хроника (Гл. 27) сообщает следующее: «Коломана же совместно с венгерским королем назначил королем над галичанами и повелел его короновать. А при коронации король Болеслав из-за своей доверчивости был обманут хитрым венгерским королем: [отдал] каштелянию спишскую, а тот под видом приданого для его дочери отдал ему перемышльскую. Это коварство послужило началом распрей между поляками и венграми, как это обнаружилось впоследствии...»⁵⁷.

Согласно догадкам А. И. Добрянского, Спиш первоначально был русским и вошел в состав Польши в качестве приданого Сбыславы Святополковны, а затем был отдан венграм как приданое за

⁵¹ Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. С. 64.

⁵² Добрянский А. И. О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // ЖМНП. Ч. CCVIII. 1880. Март. С. 139—158.

⁵³ Там же. С. 139.

⁵⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского / Отв. ред. А. Н. Сахаров. Т. II—III. М., 1991. С. 49—50.

⁵⁵ Добрянский А. И. О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира. С. 139—141.

⁵⁶ МРН. NS. VIII. P. 39; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. С. 95.

⁵⁷ Там же. С. 95—96.

Юдиту Болеславу⁵⁸. Однако уже один из современников А. И. Добрянского справедливо указал ему на то, что у нас нет никаких сведений о том, что в Древней Руси был распространен обычай отдавать область в качестве приданого за выдаваемую замуж княжну⁵⁹. Поэтому построения такого рода не имеют под собой никакой почвы.

Таким образом, в начале XII в. политическая ситуация в Польше и Венгрии осложнялась внутрдинастической борьбой, которая то временно затихала, то разгоралась с новой силой. До 1105 г. Венгрия переживала мирный период, когда у претендента на престол не было достаточно сил для развязывания нового витка междоусобицы. Соперник польского государя в это время не складывал оружия, но его попытка захвата верховной власти в стране показала, что у него также недостаточно сил для борьбы с братом.

Как Калман, так и Алмош первоначально в равной степени могли рассчитывать на поддержку в Польше, поскольку бабкой обоих была дочь польского князя Мешко II. Женитьба Алмоша на дочери киевского князя сделала его свояком Болеслава III, что означало более близкое родство с правителем Польши, чем было у Калмана.

В этих условиях Болеславу III предстоял непростой выбор между поддержкой законного венгерского государя или его непоследовательного брата, сначала заявившего о строгом следовании принципу примогенитуры в делах, связанных с наследованием престола, а затем пожалевшего об этом. В конечном счете, законные правители обоих государств неизбежно должны были придти к союзу и оказывать помощь друг другу для укрепления центральной власти в Польше и Венгрии.

Сложной была ситуация и у Святополка Изяславича, зятями которого были Болеслав III и Алмош, оказавшиеся в конечном счете в разных противоборствующих лагерях. Судя по информации источников, киевский князь в первое пятилетие XII в. не проводил активной внешней политики на западном направлении, ограничиваясь установлением матримониальных связей с правителями соседних государств. Основное внимание Киева было обращено в это время на устранение половецкой угрозы. 4 апреля 1103 г. объединенное войско русских князей нанесло сокрушительное поражение коалиции половецких ханов⁶⁰. Однако уже через два года Святополку пришлось заняться проблемами установления мира в Польше и Венгрии, где с новой силой разгорелась междоусобная борьба.

(Продолжение в следующем номере журнала)

---

⁵⁸ Добрянский А. И. О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира. С. 139–140.

⁵⁹ Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. С. 37–38.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 278–279; Т. II. Стб. 254–255.

П. С. Стефанович

ВОЛОДАРЬ ПЕРЕМЫШЛЬСКИЙ В ПЛЕНУ У ПОЛЯКОВ (1122 г.): ИСТОЧНИК, ФАКТ, ЛЕГЕНДА, ВЫМЫСЕЛ¹

Перемышльское княжество, располагавшееся на крайних западных рубежах домонгольской Руси, существовало относительно недолго — всего около полувека: с 80-х г. XI в. до 30-х г. XII в. До своей смерти в 1092/1093 г. им правил Рюрик Ростиславич — один из трёх братьев Ростиславичей, потомков Владимира Ярославича (старшего сына Ярослава «Мудрого»), отстоявших в трудной борьбе в кон. XI в.

---

¹ Ich bedanke mich bei der Gerda Henkel Stiftung für die Unterstützung dieser Untersuchung. Автор признателен Фонду Герды Хенкель за поддержку данного исследования. Приношу также глубокую благодарность Е. Л. Конявской, В. А. Кучкину, П. В. Лукину и М. К. Юрасову за ценные замечания, высказанные при обсуждении рукописи данной статьи.

